УДК 167.1:316.7

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА

И.В. Никитина

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина
E-mail: nikit220952@rambler.ru

Рассматривается проблема развития современной науки как науки нелинейной и мозаичной, соответствующей «парадигме лазера». Автор отстаивает идею «многомодельного подхода», который строится на признании «модельного» характера теорий и методологии. Исследователь выстраивает свой метод как подсистему науки, комбинируя отдельные методы применительно к своей задаче. Утверждается, что новый тип методологии при всей своей субъективности – следствие объективных изменений в социокультурной реальности, частью которой является наука.

Как показано в современных работах, культура стала «мозаичной» [1]. «Экран знаний» больше не представляет собой ни «шахматной доски», ни «сетки», где существуют заранее заданные правила и каждый фрагмент информации должен обрести свое законное, единственно правильное место. «Дисплей» современной науки являет картину, больше похожую на войлок: фрагменты информации переплетены случайным и субъективным образом, как материал для интерпретации субъектом. Э. Тоффлер определяет это как «клип-сознание» и считает отличительной чертой «Общества Третьей волны» [2].

Наука прошлого строила свои конструкции как здание из кирпичей, и создавала картину мира наподобие географической карты. Каждый познанный фрагмент реальности представлялся в виде точки или суммы точек, в совокупности заполняющих пространство карты таким образом, что цвет, размеры и конфигурация фрагмента карты давала четкую, однозначную и истинную информацию о фрагменте реальности. Своего рода символом такой картины реальности в науке стала лупа, отвечающая идеалу сверхточного исследования мира путем анализа предмета, разбитого на фрагменты, с последующим синтезом полученного знания, представленного на воображаемой карте мира. «Парадигма лупы» действовала на протяжении всей культуры Нового времени и была весьма полезной, но уже на рубеже XIX–XX вв. подошла к границе своей применимости. Современная наука в этом отношении больше похожа на лазер, а её итог – на голограмму, каждый фрагмент которой содержит всю информацию о предмете исследования, причем мы можем свободно выбирать угол, под которым эта информация рассматривается и интерпретируется [3].

Сегодня наука – сверхсложная система, самонастраивающаяся на объект, в котором ученый играет роль селектора информации (выполняет функции отбора и контроля), а истина как гипотетическая цель – аттрактора, то есть будущего состояния системы, на которое она настроена. Исследователь выстраивает свой метод как подсистему науки в целом, комбинируя философские, общенаучные и частнонаучные методы как её элементы применительно к своей задаче. Наука стала нелинейна и субъективна, что проявляется даже в области точных наук или наук о природе. Тем более это касается наук гуманитарных, или наук общественных, то есть имеющих дело с социокультурной реальностью.

В свое время марксистская наука потратила немало сил и времени, чтобы доказать, что субъективизм в науке, или, иначе говоря, хаос – это плохо. В том, что говорилось на этот счет, было немало истины. Если критерий отбора – это научная вера, и единственно ценимое качество научной продукции – это новизна, то наука в собственном смысле слова, то есть знание о внешнем мире, самоуничтожается. Положения типа «дважды два – четыре» должны быть отброшены, так как они не новы. Вариации типа «может быть, дважды два – семь?» – лабиринт, из которого нет выхода, так как не соотносятся с фактами. Но и их множество конечно, ибо механическая замена (два на семь, семь на двадцать семь и т. д.) легко превращается в шаблон. Новизна при этом исчезает.

Если же из области проблематичных выйти в область ложных высказываний, и признать их совместимыми с наукой, то затем возможен переход в область бессмысленных высказываний, типа «дважды два – верблюд», как принципиально новых и дающих простор воображению «самодостаточного субъекта», пришедшего на место ученого, изучающего внешний мир. Это путь науки постмодерна, генерирующий хаос, или, по крайней мере, точка входа в зону бифуркации, где представлено множество возможностей для трансформации системы научной картины мира и научной методологии. В этом причина кризиса западной науки с её субъективизмом.

Однако когда наука становится чересчур упорядоченной, превращаясь в жесткую, иерархически построенную систему, она также самоликвидируется в качестве творческого знания, скатываясь к схоластике, как это произошло, к примеру, на нашей памяти, с марксизмом, или, по крайней мере, с его советской модификацией, представленной изрядной долей учебников и научных работ.

На наш взгляд, будущее – за многомодельным (или, быть может, «полимодельным») подходом в науке, в русле которого характерный для современ-

ной научной картины мира «методологический плюрализм» может быть введен в допустимые рамки, исключающие догматизм и субъективизм. При изучении работ своих предшественников и конкурентов сосредотачиваться на позитивном вкладе, который они несут, а неизбежные недостатки рассматривать как ограничения, накладываемые данной моделью. Следует отказаться от претензий на «единственно верную парадигму» и исходить из дополнительности разных, даже противоположных по тенденции, источников, каждый из которых помогает решить определенный круг задач и ставит свои акценты. Для социолога на первый план выйдут институты, а через них будет дан анализ ценностей и символов культуры, а культуролог в центре внимания поставит ценности и символы, социальные институты рассматривая как условие их существования. Важнее представить спектр источников, чем дать внешне логичную, но приглаженную картину, «подогнанную» под одну из точек зрения, как бы доказательно она не была представлена.

Движение в эту сторону представлено как тенденция, по крайней мере, в науках гуманитарных и общественных. Сейчас крайне трудно найти исследование общего характера, в котором не было бы задействовано целого набора методов и приемов. Поэтому можно согласиться с А. Демидовым, что наука сегодня находится в стадии перехода от методологического анархизма к методологическому плюрализму [4].

В этом плане также представляет интерес «полипарадигмальный подход» в социологии. Суть его состоит в том, что для исследования каждого из аспектов проблемы, лежащей на стыке предметных областей в социоэкономической сфере применяется тот подход или метод, который наиболее эффективен для анализа именно этого аспекта. Совокупность таких подходов или методов составляет сложный, но гибкий инструмент, позволяющий ставить и решать более сложный класс задач, чем любая отдельно взятая парадигма. Это показано на примере исследования процессов социальной активности на рынке труда в диссертации А.Н. Сергиенко. В ней используется комбинация из деятельностного, неовиталистского, социоструктурного и трансформационного подходов, принципы системно-структурного и институционального анализа [5].

В этом же русле идет исследование методологических оснований изучения общества как взаимодействия индивидов и социальных групп у Н.И. Лапина. Предлагая антропосоциетальный, или социетально-деятельностный подход, автор подчеркивает, что «общество реально, поскольку реальны социальные действия/взаимодействия индивидов и социальных общностей» [6]. Эта целостность имеет противоречивый характер. Поэтому для его исследования целесообразно сочетание различных, в том числе и противоположных, социологических парадигм, или, иначе говоря, выход в «полипарадигмальное» теоретическое пространство. Его осмысление и служит основанием для социологов говорить о когерентности даже противоположных парадигм. Антропосоциетальный подход предполагает анализ общества в качестве результата взаимодействия людей, причем человек рассматривается как многомерный, био-социокультурный феномен, связи которого с миром реализуются в трех измерениях (общество в целом, его культура, тип социальности). Между ними существует взаимосвязь, хотя они не сводятся друг к другу и не выводятся друг из друга. В этом случае к пониманию общества как целого мы идем от человека. Он рассматривается как субъект действия. Социетально-деятельностный подход предполагает комбинацию формационного и цивилизационного подходов к обществу и его истории. Начиная с XIX в. эти подходы конкурируют, составляя поле выбора. Их сочетание позволяет раскрыть диалектику устойчивого и изменчивого, специфического и общего в общественной жизни, соединив исследование общественных законов с активностью человеческой личности как субъекта истории.

Полипарадигмальность современной духовной ситуации привлекла внимание и культурологов. В частности, В.В. Харитонов диалогику М. Бахтина рассматривает как феномен, связанный с формированием нового образа культуры, или культурного императива, предполагающего многоголосие и диалог [7].

Неоднозначность оценки социокультурной реальности постмодерна, и её науки, в частности, искусствоведами, культурологами, философами и социологами связана не только с неоднозначностью феномена и его контекста. Наука, как и современное искусство, переживает эпоху трансформации. Теории, как и методы, играют роль моделей, каждая из которых позволяет решать только определенный класс задач.

Рассмотрим это на примере соотношения системного подхода и полисистемного анализа в географии. Традиционный системный подход предполагает принцип связи элементов как условие существования и изучения системы. Полисистемный анализ исходит из гипотезы *расслоения*. Отношения элементов-слоев полисистемы задаются через отображения, а не через контактные связи. Результат может быть выражен на языке математики или в качестве комплексной системной карты. Как считает А.К. Черкашин, в перспективе такие карты должны стать многоранговыми, чтобы отображать не только те контуры, которые имеют максимальный ранг проявления, но все, которые необходимы для наиболее полного отображения территории. К сожалению, техническая база пока несовершенна, из-за чего на практике они заменяются одноранговыми, тематическими картами. В то же время в области теории в силу многоаспектности предмета географической науки ставится задача разработать концепцию полисистемного анализа и синтеза как

новых направлений, позволяющих исследовать сложный географический объект как целое. Его свойства при этом отображаются в разных предметных областях, представляя множество моносистем (слоев), внутренне однородных, не пересекающихся и в этом смысле независимых, что позволяет их исследовать как самостоятельные явления, но допускающие сравнение через отображения. В результате «будет получено множество непересекающихся сквозных научных теорий (теоретических слоев) со своим понятийным аппаратом и аксиомами, регламентирующими структуру и развитие соответствующих данной теории систем одного рода. Связь теорий осуществляется через интерпретацию понятий» [8]. Очевидно, что в данном случае каждая теория будет представлять собой модель сложного географического объекта, и эти модели взаимодополнимы.

Итак, изменение характера методологической базы современной науки – это объективный процесс, связанный как с многоаспектностью ее предмета, так и с дифференциацией научного знания. Применительно к проблеме методологии исследования социокультурной реальности это означает, что при её исследовании должен быть представлен спектр точек зрения на основе группы дисциплин. В каждой из этих дисциплин проблемная область не задана, а конструируется, так как предмет науки есть модель её объекта. Большая часть из этих областей для своего исследования потребует междисциплинарного синтеза, однако акцент в работе будет задаваться логикой той дисциплины, которая является базовой. Эта тенденция уже пробивает себе дорогу.

Рассмотрим это на примере социокультурной реальности как системы и её подсистем. Социокультурная реальность – это область, где идеальное переходит в материальное, и наоборот. Идеи и идеалы, ценности и смыслы объективируются в системе институтов. Институты же, в свою очередь, обеспечивают пропаганду идей, просвещение людей, защиту ценностей общества, сохранение и развитие культуры, социализацию и аккультурацию каждого нового поколения и мигрантов. Общество и культура представляют аспекты этой области, или, точнее, полюса.

В социологии и культурологии они могут изучаться как отдельные феномены, однако всесторонний анализ каждого из них требует для своего завершения их пересечения. Общество как система есть результат взаимодействия индивидов и социальных групп через посредство институтов. Однако люди как члены общества в своих действиях руководствуются ценностями, идеями и идеалами, осмысливая их, что делает их не только общественными, но и культурными субъектами. Так общество находит завершение в культуре, которая в этой перспективе проявляет себя как сфера общества и в этом качестве исследуется в социальных науках.

С другой стороны, культура как целое представляет собой множество смыслов, ценностей и норм. Это творческая сторона жизни человека и общества, их смыслообраз. Это «вторая природа», преобразованная человеком, причем не только в качестве суммы вещей, но и сложной системы взаимодействий между культурными субъектами: людьми, этносами, субкультурами. Это порождает систему отношений, которая социализируется. Поэтому внутри культурологии возникает социология культуры (или социальная культурология) как наука о социальном значении культурных явлений. Если культура как «смыслообраз мира» требует «погружения» и изучается через интерпретацию, предполагая акцент на субъективности культуры, то социальная культурология исследует мотивы реального поведения людей, социальных групп и общностей, а также характер социальных институтов, через которые осуществляется их взаимодействие.

Взятая со стороны институтов, общественных отношений и связей социокультурная реальность представляет собой социум, или общество. Социология, политология и другие общественные науки изучают законы общества и его сфер. Взятая со стороны традиций, ценностей и смыслов, социокультурная реальность является культурой. Культурология и другие гуманитарные науки изучают её человеческий, ценностный аспект. История же, подобно философии, выступает то как наука общественная, то как наука гуманитарная, в зависимости от выбора предмета (история общества или культуры), метода и задач исследования. Таким образом, каждая из наук представляет модель единой области исследования. Поэтому, на наш взгляд, не столь уж важно, быть материалистом или идеалистом, как важно в трактовке истории быть диалектиком, и прослеживать систему как прямых, так и обратных связей. В споре О. Конта и К. Маркса оба правы: в социокультурном мире «правят» и идеи, и интересы, и отношения собственности. То, на чем имеет смысл делать акцент, зависит от задачи исследования.

Социокультурная реальность развивается, двигаясь от хаоса к системе. Идеалы играют роль аттрактора, то есть фактора, который связывает будущее с настоящим, определяя направление развития. Как показал еще П. Сорокин, когда социокультурная система приближается к границам хаоса, в ней включаются механизмы торможения, связанные с идеями и идеалами. Если же система становится слишком упорядоченной, то идеи и идеалы её расшатывают, обеспечивая пространство для развития. Это саморегулируюшиеся системы [9]. В качестве источников и носителей идеалов могут выступать не только люди, но и сферы деятельности людей, в частности, наука и искусство. Как наука, так и искусство могут играть в этом процессе двоякую роль. Они выступают в качестве генератора новых идей и в то же самое время являются хранилищем традиции, то есть идей и ценностей старых, проверенных временем и превращенным в фундамент культуры. Но наука, как правило, часть

культуры элитарной. Её адресат (и создатель) – образованное меньшинство, творческая элита. Искусство же обращено к самым разным слоям общества, в той или иной степени охватывая все субкультуры. Конечно, идеи и идеалы – не единственный источник для толчка. Есть политические партии и классы, экономические, политические и прочие интересы. Однако в состоянии аномии они работают скорее на разобщение общества, нежели на его интеграцию, в лучшем случае выполняя роль селектора, отсекающего то, что препятствует становлению системы.

Обращенное к широкой публике, как элемент досуга, искусство делает идеи и идеалы достоянием обыденного сознания, преобразуя повседневность. Обращенное к элите, искусство преобразует высшие этажи культуры, давая толчок в развитию сознания теоретического, в частности, философского. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, какую роль, наряду с культурной политикой и политической пропагандой, в становлении и развитии дворянской субкультуры русского общества Императорской России сыграло европейское искусство, а в становлении советской культуры – русское революционно-демократическое и советское искусство. Это признают даже западные авторы. Так, образ жизни Татьяны Лариной и её круга, то есть дворян, предполагал ориентацию на образ жизни, образцы поведения, символы и ценности «Просвещенной Европы». Роль эталонов в процессе становления её предпосылок для культуры социалистической сыграли «Что делать?» Н. Чернышевского и «Мать» М. Горького, работы 20-х – 30-х гг. прошлого века на темы гражданской войны, революции, индустриализации и коллективизации («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Цемент» Ф. Гладкова, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского и др.).

Социологи литературы здесь делают акцент на вопросах функционирования искусства в обществе, его социальную обусловленность рассматривая как эмпирический факт. Эстетики и искусствоведы могут то же качество расценивать негативно, связывая с особенностями именно советского искусства и социалистической культуры как культуры политизированной, как это делает, к примеру, Р. Матхевсон [10]. Если ставится задача непредвзято рассмотреть систему ценностей в советской литературе, то авторами отмечается её постепенная эволюцию в сторону гуманизма, так что даже образы партийных работников становятся нетривиальными и нагруженными смыслами, связанными с процессами аккультурации в советской культуре её классического наследия [11]. Сопоставляя эти работы с исследованиями советского периода можно надеяться со временем получить взвешенную картину социализма как варианта социокультурной реальности, преодолев абсолютизацию как достоинств, так и недостатков социалистической культуры и советской эпохи в истории.

Для этого надо выйти на мета-уровень исследования и рассмотреть советскую историю как социокультурную систему на основе «многомодельного» (или «полимодельного») подхода. Взятые под этим углом, диалектика, синергетика, феноменология, герменевтика, формационный и цивилизационный подходы, структурно-функциональный анализ и историзм и т. д. рассматриваются не как антиподы, а как элементы, полезные при конструировании той или иной комбинации, представляющей сложный инструмент исследования. Метод современной науки настраивается на свой объект, создавая множество модификаций применительно к предмету исследования.

Формационный подход позволяет разграничить царскую Россию, советскую Россию и современную Россию, определив рамки исследования, а также указывает на социально-экономические основания истории советской культуры.

Цивилизационный подход дает возможность выявить те черты советской истории, которые имеют аналогии с историей царской России и делают её историей русской (государствоцентризм, просветительский характер культуры и т. д.).

Герменевтика и феноменология через описание и истолкование феноменов советской культуры помогают понять ту роль, какую играли в жизни советского общества ценности и идеалы, а также увидеть общие метальные установки православной и коммунистической идеи, тождество их морали. Диалектика указывает на основное противоречие социалистического общества (полукоммунизм – полукапитализм). Так, отношение к труду двоится на экзистенциальное (труд на общее благо как смысл жизни) и прагматическое (труд как источник денег, ради выгоды, или основа для карьеры). Первое представляет коммунистическую сторону социализма, второе – капиталистическую. Так же соотносятся общественное самоуправление и государство, идеалы коммунизма и потребительство. Внешнее противоречие (военное противостояние и соревнование двух систем) работало на усиление внутреннего капитализма, так как заставляло усиливать государство, а не самоуправление.

Синергетика показывает, как социализм возникает из хаоса путем настройки общества на идеалы, противоположные капитализму («никто не будет голодным», «не будет безработных», «не будет неграмотных» и т. д.), играющие роль аттрактора. Становление социальной системы завершается к эпохе Сталина. Общество проходит стадию бифуркации как поля выбора между военным коммунизмом, НЭПом и мобилизационной экономикой. Победа последней объясняется не только качествами Сталина как харизматической личности, но и (возможно, даже в первую очередь) внешней опасностью. Послевоенный период разрушил устойчивость системы, страна опять вошла в стадию бифуркации. Так как в широком смысле слова весь социализм – бифуркация (выбор между капита-

лизмом и коммунизмом), он – принципиально неравновесная система. Среди вариантов развития хода событий были как трансформация по типу современного Китая, так и возврат к капитализму. Развитие потребительства, карьеризм и коррупция «верхов» послужили детектором контрреволюции. Пассивность и потребительство «низов» сыграли роль селектора. Капиталистическая сторона социализма временно победила.

То, что механизм деструкции социокультурной системы связан с капиталистической стороной социализма, доказывается тем, что аналогичные процессы кризиса национальных государств идут и в странах западной демократии, как показано не только в работах «новых левых», но и в более современных исследованиях, связанных с проблемами «мультикультуризма» и глобализма [12, 13]. Это конфликт общества и сообщества, социума и традиции в мировом масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моль А. Социодинамика культуры. – Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
3. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 173–174.
4. Демидов А.И. Методологический анархизм и методологический плюрализм // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 1. – С. 182–184.
5. Сергиенко А.М. Основные тенденции и механизмы трансформации социальной активности населения России на рынке труда на рубеже XX–XXI вв. – Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Барнаул, 2005. – С. 12.
6. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 21.
7. Харитонов В.В. Диалогика М. Бахтина и проблема полипарадигмальности современной духовной ситуации // Михаил Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. Антология. – Т. 2. – СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 297–298.
8. Черкашин А.К. Полисистемный анализ и синтез. Приложение в географии / А.К. Черкашин. Отв. ред. Михеев. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 36.
9. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 425–504.
10. Mathewson R.W. The positive hero in Russian literature. – 2 ed. – Stanford (Calif.): Standford univ. Press, 1975. – 369 p.
11. Mehnert K. The Russians and their favorite books. – Stanford (Calif.). – Heaven institution press. – Stanford university, 1983. – P. 141–142.
12. Comb J. Phony culture: confidence and malaise in contemporary America. – Bowling Green, State University Popular Press. – Bowling Green, 1994. – 201 p.
13. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М.: Логос&Прогресс, 2002. – С. 7–42.

УДК 11